

Альхле сжимал в ладони красную шелковую ленту, глядя на высокую стену. Белые лепестки, подхваченные ветром, осыпались и падали прямо ему на ладонь.

Он вспомнил ту крестьянку, которую видел в Цинчжоу в разгар летней жары.

В её дворике, казалось, росли белые цветы, и даже в нестерпимый зной она носила воду с гор, чтобы поливать их. Должно быть, в глазах этой женщины цветы были важнее урожая.

Когда он проходил мимо неё, то не стал закрывать лица.

Виски женщины уже давно поседели, но глаза оставались удивительно ясными и чистыми. Узнала она его или нет — неизвестно, но, когда Альхле попытался ей помочь, она уклонилась, даже не взглянув на него.

Они разошлись молча, как самые чужие друг другу люди на свете.

Альхле растёр лепестки в ладони и вместе с красной лентой бросил их обратно за высокую стену. В этот момент позади слышались шаги, и двое мужчин, склонив головы, доложили:

— Место в башне Жумен готово, оттуда открывается полный вид на павильон Чжайсин напротив.

— Сколько сегодня людей в павильоне?

— Почти все знатные девицы уезда Пэнчэн собрались там.

Альхле опустил взгляд, отгоняя прочь недавние мысли.

— Что ж, пойдем посмотрим.

В башне Жумен тоже надстроили ярус, называемый Шангэ.

В отличие от павильона Чжайсин напротив, откуда можно было любоваться отражением луны в воде, Шангэ позволял лишь наблюдать за оживленной уличной суетой. Сюда пускали только мужчин, женщинам мест не полагалось.

Место Альхле находилось в самом углу, но как раз напротив павильона Чжайсин. Несмотря на расстояние, он мог отчетливо видеть людей на той стороне. Он сидел на мягкой циновке, выпрямив спину, и снял накидку, скрывавшую лицо, явив свой истинный облик.

Это было лицо необычайной красоты, но в то же время исполненное опасной силы.

В нём сочетались утонченность благородного мужа из Срединных земель и мощь иноземного воина, чья воля способна покорять горы и реки. По одним лишь внешним признакам невозможно было определить ни его происхождение, ни статус. Срединные земли огромны, полны чудес, и в тринадцати областях Четырех морей кого только не встретишь.

Слуга из Шангэ подошел накрыть стол и, заметив благородный облик гостя, украдкой бросил на него несколько взглядов. Он было хотел прислуживать поближе, но двое крепких мужчин, стоявших за спиной гостя, устали на него с таким нетерпением, что он поспешно ретировался.

Альхле держал в руке чашу с вином, а в его глазах отражался нежно-фиолетовый силуэт.

Девушка была непоседлива: она перетрогала все фонарики, развешанные в павильоне, и даже сидя на коленях, не могла усидеть смирно — то шепталась с кем-то, то постукивала по столику, а позже и вовсе затеяла спор, готовая в порыве гнева перевернуть стол.

Альхле, не обращая ни на кого внимания, зачерпнул ковшом вино из сосуда, и его взгляд, острый, как у ястреба, снова устремился к павильону Чжайсин.

Сяо Миньюэ и Лу Цзюин делили один столик, не подозревая, что это вызовет насмешки.

В павильоне Чжайсин были накрыты только женские столы, всего около тридцати. Хозяин, будучи человеком добрым, приберег для Сяо Миньюэ одно из четырех лучших мест, откуда открывался самый красивый вид.

Сяо Миньюэ не переставала восхищаться гигантским фонарем под балкой: от него во все стороны отходили шелковые нити, на которых покачивались маленькие изящные фонарики, словно лепестки дивного цветка. На фонарь был натянут шелк с рисунками птиц, рыб и насекомых, выглядевших как живые. Однако, как только она заняла своё место, хорошее настроение улетучилось.

За соседним столом сидела её недругиня — Цзинь Шаоцзюнь.

Рядом с ней расположилась Ли Цян, младшая дочь губернатора округа Чу, а по другую сторону — Цуй Вэньцзи, единственная дочь великого учителя Цуя из уезда Пэнчэн. Ли Цян была ровесницей Цзинь Шаоцзюнь; из-за слабого здоровья она несколько лет жила в уезде Пэнчэн у дяди, и госпожа из дома Цзинь лично помогала ей поправить женское здоровье. Цуй Вэньцзи была старше их лет на семь-восемь, успела побывать замужем, но по неизвестным причинам развелась и вернулась в отчий дом.

Сяо Миньюэ знала Ли Цян и Цуй Вэньцзи только понаслышке, тогда как Лу Цзюин была с ними знакома, так как все четверо когда-то учились у учителя Цуя. Поэтому, садясь, Лу Цзюин поклонилась им.

Ли Цян лишь мельком взглянула на неё, не ответив на поклон, и только Цуй Вэньцзи поднялась.

Цзинь Шаоцзюнь, почувствовав поддержку Ли Цян, увидела, что Сяо Миньюэ и Лу Цзюин сидят за одним столом, и язвительно произнесла:

— Мелкие торговки, даже не знаю, какими средствами вы вымолили себе это место. Оно должно было достаться другим сестрам, а не пришлым выскочкам.

Сяо Миньюэ сдержалась и промолчала.

Ли Цян, заметив серебряную шпильку с подвесками в волосах Лу Цзюин, пришла в восторг от её изыска и уникальности. Потрогав свои золотые украшения, она почувствовала укол зависти и спросила:

— Лу Цзюин, что это у тебя за шпилька?

Лу Цзюин повернулась и вежливо ответила:

— Это драгоценный камень из Западных земель, похожий на гранат.

Ли Цян никогда не слышала о гранатах, но, не желая выдать свое невежество, заявила:

— А я думаю, что-то знакомое. В округе Чу таких украшений никогда не видели. Сними-ка её, дай мне рассмотреть, я завтра же велю дяде найти мне такой гранат.

Сяо Миньюэ первой уловила недобрый тон и посмотрела на Ли Цян.

Та, встретившись с ней взглядом, демонстративно закатила глаза.

Лу Цзюин вынула шпильку, и Цзинь Шаоцзюнь бесцеремонно вырвала её из рук и протянула Ли Цян.

Ли Цян вертела украшение в руках, не в силах оторвать взгляд от камня. Рассмотрев его, она не вернула вещь хозяйке, а просто положила на свой столик.

У Цзинь Шаоцзюнь возник план, и она сказала:

— Сестрица Цян, раз тебе нравится, оставь её себе. Я дома пороюсь в шкатулке и пришлю ей что-нибудь взамен.

— Нет, — неожиданно твердо ответила Лу Цзюин. — Это подарок Миньюэ на мой день рождения, его нельзя просто так отдарить. Сестрица Цян, если тебе нравится, в следующем году я попрошу Миньюэ найти такую же для тебя.

Сяо Миньюэ холодно наблюдала за Цзинь Шаоцзюнь, ожидая, что та выкинет дальше.

Цзинь Шаоцзюнь усмехнулась:

— Раз уж в следующем году можно найти, пусть Сяо Миньюэ найдет тебе ещё одну, какая разница.

— Нет.

Отказ Лу Цзюин прозвучал безапелляционно.

Между ними повисла неловкость. В этот момент снизу донеслись звуки сюня — мелодия была тягучей, проникающей в самую душу. Все девушки в павильоне поднялись и поклонились луне в небе.

Ли Цян, делая поклон, нарочно нажала ладонью на гранатовую шпильку, и изящный цветок лотоса на ней погнулся. Сев обратно, она притворно охнула:

— Ой, как же это я её придавила!

Цзинь Шаоцзюнь, заметив это, тоже сделала вид, что удивлена, и поспешно добавила:

— Раз она такая хрупкая, сестрица, она тебе не нужна. — С этими словами она взяла шпильку и бросила её обратно на столик Лу Цзюин.

Сяо Миньюэ не выдержала. Она с грохотом ударила ладонью по столу, заставив всех вздрогнуть, особенно Цзинь Шаоцзюнь, которая инстинктивно втянула голову в плечи.

— Цзинь Шаоцзюнь, ты правда думаешь, что я не посмею тебя ударить?

Цзинь Шаоцзюнь спряталась за спину Ли Цян и, набравшись храбрости, прошипела:

— Ты распустилась! Сестрица Цян — дочь губернатора, а ты всего лишь ничтожная простолюдинка. Должна благодарить за то, что удостоилась чести сидеть с нами! Мы с ней как родные сестры, если тронешь меня, губернатор тебе этого не спустит!

Ли Цян действительно выставила руку, защищая Цзинь Шаоцзюнь.

Сяо Миньюэ машинально потянулась к поясу, но тут же вспомнила, что сегодня, переодеваясь

в женское платье в доме Цзинь, оставила свой маленький красный кнут в Западном дворе. Однако это не помешало ей проучить обидчицу. Стоило ей сделать шаг, как Цзинь Шаоцзюнь в панике бросилась за спину Цуй Вэньцзи и заныла:

— Сестрица, сестрица, проучи эту выскочку!

Цуй Вэньцзи, видя, что внимание окружающих уже привлечено, заступилась за Цзинь Шаоцзюнь. Когда она посмотрела на Лу Цзюин, та тоже встала и придержала Сяо Миньюэ.

Цуй Вэньцзи сказала:

— Сестры еще молоды, порой ведут себя несдержанно. Сегодня такой редкий вечер, давайте будем терпимее друг к другу, не стоит портить отношения между подругами. Цзюин, давай я почию твою шпильку, хорошо?

— Благодарю за заботу, сестрица Вэньцзи, но шпилька почти не пострадала, чинить её не нужно, — ответила Лу Цзюин и, повернувшись к Ли Цян, мягко спросила: — Сестрица Цян, с твоей рукой всё в порядке?

Лицо Ли Цян вспыхнуло, она поджала губы и пробормотала, что всё хорошо.

Сяо Миньюэ тоже не была слепой, но, понимая, что в этой ситуации она проигрывает, решила не отступать хотя бы на словах:

— Семье Цзинь не повезло с такой неблагодарной дочерью. Вместо того чтобы утешать мать дома, ты бегаешь здесь и устраиваешь беспорядки.

— Ты!

Цзинь Шаоцзюнь хотела было ответить, но под суровым взглядом Цуй Вэньцзи прикусила язык.

Девушки за столиками сидели молча, атмосфера была напряженной. К счастью, снизу донеслись радостные крики — долгожданный парад цветочных повозок двигался от Южного рынка.

Парад повозок был организован уездным управлением.

Десятки повозок были доверху нагружены золотыми османтусами и хризантемами, а их навесы утопали в цветах. На каждой повозке сидели дети и разбрасывали цветы среди ликующей толпы, что символизировало здоровье, радость и семейное благополучие.

В первой повозке ехали уездный начальник с супругой. Их лица сияли улыбками, они то и дело обменивались нежными взглядами, вызывая зависть у окружающих.

Цзинь Шаоцзюнь высунулась из окна павильона и, увидев кого-то, взволнованно закричала:

— В девятой повозке едет мой кузен Цзян Чэн!

Ли Цян посмотрела в ту же сторону, что-то прошептала Цзинь Шаоцзюнь, и та густо покраснела.

Сяо Миньюэ тоже посмотрела туда, но, видя людей лишь смутно, прошептала Лу Цзюин:

— Этот Цзян Чэн — известный ловелас. Несдобровать той, кто выйдет за него замуж.

Лу Цзюин тихо спросила:

— А кто тогда хороший муж?

Сяо Миньюэ улыбнулась:

— Конечно, такой, как мой старший брат.

Они переговаривались, попивая вино из лаковых чаш. Вино из османтуса в этом году вышло особенно сладким и ароматным, как раз для женщин, а к нему подавали сладости, вяленую оленину и жареную рыбу.

Взгляд Сяо Миньюэ упал на необычное пирожное. Узор на нем был странным: лепестки длинные и густые, но с правой стороны они были как будто сжаты, не образуя круга. Она долго разглядывала его, не понимая смысла.

Лу Цзюин заметила:

— Этот узор похож на ущербную луну.

Сегодня же полнолуние, зачем же выпекать ущербную луну? Сяо Миньюэ хотела было позвать слугу, но, видя, как заняты в ресторане, передумала.

Она откусила кусочек — внутри оказалась сладкая начинка из фиников. Осталась довольна и продолжила беседу с подружкой.

За столиками девушки любовались луной и фонарями, доверяя луне свои тайны.

Все они, конечно, касались будущих избранников.

Цзинь Шаоцзюнь прямо заявила, захмелев:

— Я выйду только за кузена, другие мне не нужны. Сестрица, ты красивее меня, найдешь себе кого-нибудь получше.

Ли Цян ответила:

— Разумеется. Я ведь вторая красавица округа Чу, а отец — губернатор, найти мне достойную пару не так-то просто.

Цуй Вэньцзи рассмеялась, вызвав у Ли Цян кокетливое недовольство.

Сяо Миньюэ, слушая это, нашла разговор забавным и громко произнесла:

— Мне бы очень хотелось увидеть первую красавицу округа Чу. Интересно, такая же она невежественная и высокомерная?

Ли Цян гневно обернулась к Сяо Миньюэ и выпалила:

— Какое совпадение! Раньше павильон Чжайсин всегда выкупал дом князя Чжэньбэй — говорят, маленький князь хотел, чтобы его сестра любовалась луной над рекой. В этом году его самого нет, но его сестра, первая красавица округа Чу... — она перевела взгляд на Лу Цзюин и улыбнулась: — Сестрица Цзюин должна знать, ведь она — настоящая княжна.

Лу Цзюин осталась невозмутимой, лишь слегка опустила взгляд.

Сяо Миньюэ почувствовала неприятный укол и посмотрела на юг, куда указывала Ли Цян.

Под изящными фонариками стояли два ярко-красных лаковых ширмы, отделявших внутреннюю часть павильона от перил. Сквозь резные узоры ширмы было видно, что там, в тишине, сидит человек.

Даже по одной лишь фигуре, глядящей на луну, Сяо Миньюэ поняла: эта женщина по праву носит титул первой красавицы.

<http://bllate.org/book/20047/1981194>